

800 кр. — это будет мой расчет со всеми мелкими долгами. Тогда уже поговорим о «Красной комнате».

Стриндберга я понимаю, холью и лелею. Я, где возможно, сохраняю (по французскому тексту, им самим отредактированному) все его особенности, вплоть до манерного знака — точка с запятой. Я не забываю, что в нем еще влияние Бюхнера и Молешотта и эмансипации, но помню также, что уже его считают родней и Пшибышевского и Кнута Гамсуна. Учитываю я и то, что роман писан в конце 70-х годов. Ах, чешется у меня перо написать предисловьице!

Но бороться мне с ним тяжелее, чем я думаю. Порою, кажется мне, что я не могу, не сумею найти по-русски соответственное точное выражение. Ан глядь, пошел по улице, сделал вид, что будто бы совсем забыл о переводе, и вдруг — хлоп — найду то, что нужно.

Ну — *basta cosi!* Привет, поклон и еще раз крепкое рукопожатие.

Ваш А. КУПРИН

Цветок пахнет чуть-чуть миндалем?
Или я ошибаюсь?

XI

[Лето 1920]

1, rue Jacques Offenbach. Paris (16me)

Дорогой Евгений Александрович,

Нет, я уж очень Вам поклонюсь, если перевод «Кр[асной] комнаты» Вы попросите взять г-жу Белокопытову. «Семенов у меня вот где!» — вскричал граф, проведя рукой по горлу. У него оказался крошечный запас слов, да и то гарнизонных. Какие слова мне у него приходилось встречать и выправлять! Напр[имер] «ухажер» (от слова «ухаживать», конечно, в ироническом смысле, но, подумайте: — применительно к быту шведской интеллигенции!). Далее: возненавидел и всех и вся. Еще: баронесса выглядела неважно. Изводить (не тараканов, а мужа, в смысле — дразнить; выражение Николаевского Кав[алерийского] училища) и т. д. Кроме того, казенные, служебные обороты фраз. Я трудился над его черновиками не менее, чем Шамполион над древними письменами. Слуга покорный! Если Ваша переводчица согласится держаться очень близко к подлиннику, избегая по возможности шведского строя фразы и иностранных слов, то мне вообще легко будет с нею работать, ибо заранее не сомневаюсь ни в ее литературности, ни в опыте, ни в проникновенности — в смысле сказанного.

Предпоследнего присыла все еще нет! Пишу об этом Юнкеру ежедневно. Наш общий Риман не отвечает. Короблюсь от бессильной злобы.

Завел на предмет Вашей визы двух человечков: один доктор, другой писатель, оба, конечно, евреи. В министерстве иностранных дел они многое могут.

Вашего издания книги получил. О сказках или сам напишу или дам гр[афу] Толстому. Не дать ли Грибоедова Бурцеву? Он, кстати, и сам выпустил «Горе от ума» под своей редакцией. Или, м. б., это обстоятельство как раз и повредит отзыву? Ваше мнение?

Что Вы мне ничего не написали насчет Аничкова? С его романом?

Ах, поскорее бы Вы приехали! Зверски буду рад увидеть Вас в Париже.

Ваш сердечно А. КУПРИН

XII

[Париж, лето 1920]

Дорогой Евгений Александрович,
Рапортую по порядку;